

Магсуму Хузину

Это – жизнь.

Это выбор дорог

До небесных краёв – от порога...

Это творчества бурный поток, –

Так *ручей пробивает дорогу*¹.

Это – жизнь.

Промежуточный срок

Между прошлой и будущей грустью, –

Так петляет лесной ручеёк

От истока до самого устья.

Это – жизнь.

Нескончаемый бег

Ручейков через горы и степи.

Зреет время – безудержный век –

Облепиховым² солнцем на небе.

Это – жизнь.

Бесконечный урок,

Где настолько приходится туго,

Что темнеет в глазах из-за строк –

Вкривь и вкось разбегаются буквы.

Это – жизнь.

Это значит – держись,

Как ручей, замерев перед бровкой.

На маршруте рождение – жизнь.

Смерть –

Лишь первая остановка.

1 Одноимённый рассказ писателя, опубликованный в 1961 году.

2 Намёк на рассказ М.Хузина «Облепиха».

А кто же не соскучился по детству,

Что в сердце отыскало уголок?

Я, не спеша и радуясь соседству,

Разматываю памяти клубок...

Пусть многие забылись разговоры

И многое просеяли года,

Но школу деревянную, контору

И магазин я вспомню без труда...

Мы вызывали дождь «вороньей кашей»,

И на «лошадке» я скакал верхом...

Дыхание поры счастливой нашей –

О воздух детства, как ты мне знаком!

Я помню лампу над печною нишей,

Картошечку в мундире из печи...

Взбирались на полаты, где повыше,

От детства там ли спрятаны ключи?

Я помню кваса в бочке терпкий запах,

Берёзовой лучины огонёк...

И радио, похожее на шляпу,

Я выключить из памяти не смог.

Я вспомнил, как особыми щипцами

Кололи твёрдый сахар на куски...

И как, идя по льду, взмахнув руками,

Едва не стал добычею реки.

Я помню – гнал гусей на пруд соседний,

Вооружившись ивовым прутком...

И первую любовь с письмом последним

Моим... Не позабылось и о том.

Я помню улицы немолчный гомон...
Как допоздна играли во дворе...
Как у деревни заросли урёмы
Казались лесом нашей детворе.

Мне вспомнилось, как реки разливались,
Как скот пасли, чья очередь пришла...
Как близко подойти всегда боялись
К погосту на окраине села.

Мать... И отца... И бабушку я помню...
Односельчан... Соседей и родню...
Моих воспоминаний том огромный
На полке сердца бережно храню.

Да, многие забылись разговоры,
Но книга детства тихо шелестит...
Печаль мою несущий чёрный ворон
Над деревенским кладбищем летит.

НИ ПЕРОМ ОПИСАТЬ

Пять домишек в деревне,
и день выходной,
Улыбаются ставни зиме молодой.

Рассыпается снег – невесом, непочат.
Семь гусей у крылечка гогочут-кричат.

Воздух детства... Настолько он чист
и глубок,
Что в душе не осталось ни капли тревог.

Я у старого озера. На берегу
Дремлют ивы светло, по колено в снегу.

Пряди их в серебре... А вокруг благодать –
Что ни в сказке сказать,
ни пером описать...

ПОЭЗИЯ

Кто ты – дитя ли, девушка ль нежная?
Может быть, спутница в цвете лет?
Часто одна на печаль безбрежную
Ты проливаешь свет.

Поэзия! Боль ты моя сердечная,
Кровотокающий порез души;

Пусть не покажется противоречием –
Я лишь тобою жив!

Поэзия! Ты – сестра милосердия,
Но и сама ты – милость богов!
Лучшей наперснице – сны и беседы, и
Слёзы мои, любовь!

Поэзия! Лунная дочь бессонницы,
Нежное солнце судьбы моей;
Дни – предсказатели звёздной конницы,
Ночи – пророки дней.

Поэзия! Шёпот небес услышанный,
Молнии одушевлённый след, –
Благодаренье моё
Всевышнему
Не иссякает, нет!

Поэзия! Ты – моё наслаждение,
Синяя птица из детских снов!
Как бы ни выразил восхищение –
Всё не достанет слов...

Поэзия! Бурные реки вечности,
Сполох негаснущего огня...
Жарким дыханием бесконечности
Ты обожгла меня!

Я ВЫШЕЛ ИЗ БЕШМЕТА ТУКАЯ

Ты выберешь Толстого в кумиры,
И к Пушкину – захочешь – шагай...
А для меня средь избранных мира
Нет выше, чем великий Тукай.

Не ради красноречья благого
Я говорю, дожив до седин:
Великих на земле очень много,
Но ближе всех Тукай – он один.

Не к Гоголю себя отсылаю:
Не из его шинели, о нет –
Я вышел из бешмета Тукая, –
Благословен суконный бешмет!

Я миру, будто слову, открытый,
Читаю между строк бытия...

Стихи – моя душа и молитва,
А свет Тукая – кибла¹ моя.

Другой народ – и доля другая,
Но мне до всех иных нет забот.
Я воспеваю снова Тукая,
А значит, свой татарский народ!

«Куда же я иду? – вопрошаю. –
На ту ли поднимаюсь ступень?»
Не прошлое ищу у Тукая, –
Нащупываю завтрашний день!

Луне и солнцу, звёздам беспечным
Я не открою душу свою...
...Идущий за высоким и вечным,
Сегодня у Тукая стою.

СТИХИ ВО МНЕ СВИЛИ ГНЕЗДО

Случилась диковина вдруг –
Стихи во мне свили гнездо.
Наверное, это недуг –
Хожу вдохновенный зато.

Стихи во мне свили гнездо! –
Не вышло б загвоздки какой.
А вдруг они, сделав вдох,
Меня поглотят целиком!

Не вышло б загвоздки какой –
Стихи угнездились в душе!
То я – воплощённый покой,
То – ласточка на вираже.

Стихи угнездились в душе –
Случилась диковина вдруг.
И вот я мечтаю уже,
Забыв несерьёзный испуг!

Случилась диковина вдруг –
Гнездо во мне свили стихи...
Я пробую строки на звук –
Пока они очень тихи!

Душа – перекрёсток стихий,
А песня – и пища, и жизнь...

Во мне угнездились стихи –
Не чудо ли это, скажи?!

ОДИНОЧЕСТВО

В комнате одиночества
Новый живёт жилец –
Мнительное пророчество,
Тонкой души ловец.

Дразнит меня сомнение,
Отдыха не даёт –
Дятлово говорение,
Глупый кукушкин счёт.

Что ему здесь за выгода? –
Шастает в пику мне
То от окна до выхода,
То от стены к стене.

В комнате с полутенями
Тает в окне звезда...
Бродит моё сомнение,
Ходит туда-сюда!

И до изнеможения,
Крика души живой
Взад и вперёд сомнение
Будет ходить за мной...

ДЕНЬ ПРОСЬБЫ

Лишь погрузился в молчание дом,
только утихла вокруг суета,
я прочитал «бисмиллу», а потом
ручку достал и писал до утра.

Дело святое – права отстоять,
лишь не остались бы к просьбе глухи,
ночь напролёт я писал и писал! –
только прошения, а не стихи.

Не за себя в этот час я радел,
я захотел человеку помочь
и, отрешившись от собственных дел,
занял прошением целую ночь.

Я переписывал, правил, творил,
точку поставил – и встретил рассвет,
ну а потом целый день я ходил
из одного да в другой кабинет.

1 Кибла (кыйбла) – сторона, куда обращаются взорами во время молитвы мусульмане.

Десять начальников я обошёл,
был терпелив я и был я речист,
был я, где надо – серьёзный поэт,
был я, где надо – блестящий артист!

Ради другого прожил этот день,
пусть не в обиде он будет сейчас...
Видит Всевышний людские дела,
каждому Он по заслугам воздаст.

Только стихами ли дышит поэт,
только ли проза другому мила?
Утро встречаю – со мной «бисмилла»,
день провожаю – со мной «бисмилла»...

Всё сохранится: усердность строки,
эхо шагов и свеча на окне...
Я хлопотал целый день о других,
вдруг позаботится кто обо мне?

ОДУВАНЧИКИ

Ах, как быстро время-молодость летит,
Оглянуться, осмотреться не успели...
Мчались кони по тропе, из-под копыт
Одуванчики пушистые летели...

Одуванчики летели, одуванчики...
Мчались кони... колыхались султанчики...
Как хотел я это время удержать –
Одуванчики цвели, выросли мальчики...

Мы рассеялись дорогами судьбы,
Только кони в нашем сердце уцелели...
Мчались вихрем кони, а из-под копыт
Одуванчики пушистые летели...

И другая юность так же пролетит,
И другие кони так же вдаль умчатся.
И от звона их стремительных копыт
Одуванчики другие разлетятся...

Одуванчики взлетают, одуванчики...
Мчатся кони... колыхаются султанчики...
Разве кто-то сможет время удержать –
Одуванчики цветут, вырастут мальчики...

ВСЕ РАССВЕТЫ И ВСЕ ВЕЧЕРА

Все рассветы и все вечера
Гонят в сердце кипящую кровь...

Дорогая, признаться пора:
Только ты пробуждаешь любовь.

Как же вышло, что выпало вдруг
Нам в трёх соснах с тобой заплутать.
Птицу счастья из трепетных рук
Невозможно в чужие отдать.

Поросли все тропинки травой,
Затуманились воды реки...
Остаётся грустить под луной –
От тебя ни единой строки.

Опрокинувшись, синяя даль
Растекается каплями звёзд...
Мою душу объяла печаль
Неподъёмною тяжестью слёз.

РАДУЯСЬ, ЧТО ТЫ ЕСТЬ

Я узнал, что на белом свете
Есть прекрасные чувства эти –
Легче ветра им в сердце веять
И цветами роскошно цвести.
Потому я живу на свете,
Просто радуясь, что ты есть!

Я узнал, что любовь на свете –
Это ты – по такой примете:
Глубже озера очи эти...
Нежных дум о тебе не счесть.
Потому я живу на свете,
Просто радуясь, что ты есть!

Я узнал, что любовь на свете –
Это мы – по одной примете:
Птица счастья на минарете
Обронила об этом весть...
Потому я живу на свете,
Просто радуясь, что ты есть!

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ

Ясные звёзды, лучистые звёзды
В речке находят утеху.
Кружевом ряби подёрнуты воды,
Сыплют серебряным смехом...

Ясные звёзды садятся на волны
И, разбиваясь на пары,

В море любви уплывают безмолвно –
Лёгко трепещущий парус.

Алые звёзды и белые звёзды
Душу с душою венчают.

В час одинокий, торжественно поздний,
Грусть мою в волнах качают.

Яркие звёзды тропой золотою
Входят в речные пенаты.
Незаходящую белой звездой
Будешь всегда для меня ты.

Я ВЫХОЖУ НА СВЕТ...

Я выхожу на свет, ещё не стар,
И, увлечённый времени потоком,
Читаю по глазам влюблённых пар
Послание из юности далёкой.

Я выхожу на улицу – хочу,
Чтоб юность снова подарила крылья...
И я тогда до самых звёзд взлечу,
Виски осыпав серебристой пылью.

Я в мир ступаю, чтобы молодеть
И оживлять воспоминаний строки.
Все песни, что готов сейчас я спеть –
О юности счастливые намёки.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Чтобы не забыть, существуют звёзды,
Чтобы тосковать, существуют горы...

Я приду к тебе, потревожа память,
Сквозь безумный ливень
и снежный ворох...

Чтобы не забыть, существуют снимки,
Чтобы тосковать, существуют письма...
Сколько недосказанных обещаний,
А пустых обетов и не исчислить.

Видно, я, увы, не такой хороший,
Быть белее белого даром думал.
Если ты попросишь меня присниться,
И во сне мне в белом не быть костюме.

Я в каком ты хочешь явлюсь обличье,
Только б нам с тобою не разминуться.
Ты позволь мне нежно и осторожно,
Словно яблок – белых грудей коснуться.

В сны твои безгрешные, молодые
Я приду без стука ночной порою.
Белоснежным бархатным одеялом,
Как любовью чистой, тебя укрою.

Чтобы не забыть, существует память,
Чтобы тосковать, существуют птицы.
То, что ты запомнить во мне хотела,
Может быть, всё это тебе и снится.

Я устроил жизнь, как оно сложилось,
Я собрал свой мир из обрывков счастья...
Написал стихи эти, жив покуда,
Не сердись, пожалуйста, не печалься...

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Светлым и радостным, как добро,
Будущий мир мне дан:
В правой руке у меня перо,
В левой руке – Коран.

* * *

Творчество Лябиба Лерона давно известно и любимо его соплеменниками. Стихи, сказки, песни, пьесы, сценарии для театральных постановок, литературно-музыкальная телевизионная программа – вот далеко не полный перечень того, что поэт наполнил радостью и светом своего таланта. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, обладатель ряда премий, в том числе Республиканской премии имени Мусы Джалиля, Лябиб Лерон стал всенародно любимым поэтом. Его образ блистательно запечатлел на полотне башкирский художник Вакиль Шайхетдинов.

Вживаясь в мир поэта, можно максимально приблизиться к замыслу автора. Зачастую ритмику и рифмовку диктует слово, сам строй речи, поэтому при переводе возникают дополнительные нюансы – удлинение или укорочение строки, замена образов, поиск звуковых аналогов. Переводчик всегда стоит перед дилеммой: что

предпочсть – близость к подлиннику или художественную выразительность. Полностью разделяю мысль Пастернака, что «перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности». Хороший перевод воспринимается как органичное самостоятельное произведение, соперничающее по силе с оригиналом.

А сила, яркость и жар лероновского дара видны во всём: это и круг волнующих его тем, и накал испытываемых чувств, и воплощение в слове. Жизнь поэта – горение, самоожжение, незаживающая рана: «Поэзия! Боль ты моя сердечная, / Кровоточащий порез души; / Пусть не покажется противоречием – / Я лишь тобою жив!» («Поэзия»).

В любовной лирике поэта проступает не только нежность, но и те же «горящие» образы: «Пылает сердце, плачет тень... / Я сам свеча в ночи?! / Кричу „скучаю по тебе!“ / На языке свечи... („Свечи»)

Две большие любви – к женщине и поэзии – переплетаются у Лерона так, что невозможно их разделить, потому что обе они – естество поэта, его боль и счастье: «Таким, как я, молчание не ново, / Скольких задело белое крыло? / Проклятое одно лишь только слово, / Ты посмотри, всю душу извело!» («Будучи влюблённым»)

Неудивительно, что вскормленная традициями родной земли, лирика Лябиба Лерона полна музыкальных образов и признаний в любви к народной песне – единственному, быть может, спасению в череде жизненных тревог и неурядиц: «И только в песне задушевной / Я утешение найду...» («Искушение»)

Лябиб Лерон пишет на татарском языке, однако он хорошо знаком с русской литературой. В его поэзии соседствуют восток и запад, татарские селения Туреш, Кара Шэм, Кенар – и чеховский Таганрог; поэты-земляки Фаиль Шафигуллин, Газинур Мурат – и Чехов с Толстым, Вознесенским и Блоком. Отдавая дань «солнцу русской поэзии», автор утверждает: «Я вышел из бешмета Тукая, / Благословен суконный бешмет!»

Спектр эмоций автора – от лёгкой иронии – через традиционную лирическую грусть, именуемую красивым словом «мон» – до подлинной исповедальности: «Самому себе – сирота, / Самому себе я малец. / Самому себе – старший брат, / Самому себе я отец». («Детство»)

В названии двух сборников поэта, вышедших недавно («И ты люби меня» и «На крыльях любви»), присутствует слово «любовь», вероятно, это и есть ключ к пониманию поэзии автора: щедро отдавая эту любовь, он в то же время греется в ответных лучах любви читателя.

Тонкая, солнечная, мудрая и жизнеутверждающая поэзия Лябиба Лерона пристально вглядывается в душу человека, поднимая на пьедестал непреходящие общечеловеческие ценности – свободу, родину, талант, дружбу, добро, совесть, честь, талант...

Переводы и послесловие Галины БУЛАТОВОЙ